

УДК 94(47).047
DOI 10.52452/19931778_2021_3_37

МЕРЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ МАСТЕРОВ ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ В XVII в.

© 2021 г.

С.П. Орленко

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Москва

Orlen@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.05.2021

Исследуются меры социальной поддержки мастеров придворной оружейной мастерской русских царей в XVII в. Рассматриваются налоговые льготы придворных оружейников, формы и объемы помощи ремесленникам и членам их семей при отсутствии или потере жилья, оборудования и инструментов, в случае временной или постоянной утраты трудоспособности, важных событиях в семейной жизни и пр. На основании анализа источников делаются выводы о специфике и приоритетах социальной политики руководства Оружейной палаты.

Ключевые слова: Россия, XVII век, Москва, Оружейная палата, мастера, социальная политика, социальная поддержка, льготы, пособия, материальная помощь.

Эффективное функционирование придворных мастерских, решение сложных технических и художественных задач подразумевали создание комфортных или, по крайней мере, приемлемых условий жизни и профессиональной деятельности для ремесленников этих ведомств. Предполагалось, что жалование, неокладные премиальные выплаты, наградные пожалования должны обеспечить мастерам достаточный уровень благосостояния. Тем не менее время от времени возникали особые, а порой и чрезвычайные обстоятельства, когда мастерам Оружейной палаты или членам их семей требовалась дополнительная поддержка.

Общей привилегией для жалованных (штатных) ремесленников придворных мастерских было освобождение от уплаты основной подати для посадского населения – тягла. Текст распоряжения о привилегии царских оружейников нам, к сожалению, не известен. Возможно, исторические корни такого рода льгот уходят в XVI столетие, однако мы располагаем лишь отсылками к указам царя Михаила Федоровича.

Ю. Арсеньевым была опубликована датированная 1637 г. память в Судный Владимирский приказ. Документ является ответом на требование прислать «мастеров Савку да Оску Ивановых детей лушников, да сабельного придельщика Екимку Федорова, да порохового дела мастера Оску Михайлова для государева сысканого дела». Претензии Судного Владимирского приказа относились к вопросу об уплате мастерами тягла по месту их жительства. В 1637 г. отсылки мастеров удалось избежать, однако решение вопроса потребовало высочайшего участия. «И в нынешнем же во 145-м (1637) году окольни-

чий Василей Иванович Стрешнев, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси о тех мастерах <...> докладывал. И по государеву [м.т.] Михаила Федоровича указу <...> Оружейного приказу розных дел мастеров <...> в тягло имать не велел, потому что они взяты в Оружейной приказ в мастера по государеву имянному указу» [1, с. 357].

В 1648 г. Бронная слобода из ведения приказа Большого дворца была передана в Оружейный приказ. С этого момента все слободские дела, включая взыскание податей, были сосредоточены в руках оружничего [2, с. 45]. Для проживавших в слободе мастеров Оружейной палаты это существенно упростило урегулирование вопроса об освобождении от тягла. Для ремесленников, проживавших в других районах Москвы, по-прежнему сохранялся риск столкнуться с ущемлением своих прав. Так, например, в 1675 г. лядуночный мастер Оружейной палаты Карп Давыдов, владевший двором в Полумясницкой слободе, жаловался на незаконные действия сотского, записавшего его в тягло [3, л. 1–5].

Впрочем, во второй половине XVII в. вопрос об уплате мастерами Оружейной палаты податей и в Бронной слободе не всегда имел однозначное решение. Еще «до мора» – московской чумы 1654 г. тягло для податной части населения Бронной слободы было заменено на денежный оборок с фиксированной суммой. По подсчетам М.Ю. Романова, «морское поветрие» унесло около восьмидесяти процентов населения Бронной слободы, что вполне согласуется с общей цифрой смертности от эпидемии по Москве [2, с. 47; 4, с. 58]. В последующие 5–7 лет придворная оружейная мастерская активно вос-

полняла кадровые потери. Многие мастера, поступившие в этот период на службу в Оружейную палату, были приезжими – выходцами из русских провинциальных городов и земель, отвоёванных у ВКЛ.

Принятых в придворную мастерскую оружейников селили в Бронной слободе, передавая им пустовавшие дворы и дворовые места. К началу 1660-х гг. свободные «белые» места в слободе закончились, и ремесленников приходилось селить на тяглых дворах. Численность тяглиц в слободе сократилась настолько, что выплата всей суммы оброка стала для них непосильна. Староста и тяглецы Бронной слободы писали: «положено на них оброку сто семьдесят рублей <...> как было до морового поветрия. А в прошлых годах бывало тяглых двести тридцать дворов, а ныне только дворишков с восьмидесятью» [5, л. 1–2]. В октябре 1667 г. староста и тяглецы слободы били челом: «Живут де в Бронной слободе на их тяглых местех прибылые беломестцы и с тех дворов оброку и всяких податей в их слободе ничего не платят. <...> И что б великий государь пожаловал бы их, велел с тех беломестцов иметь в тот их оклад во 170 рублей» [6, л. 2–4].

Просьбу тяглицев удовлетворили, обязав мастеров Оружейной палаты, проживающих на тяглых местах, участвовать в выплате слободского оброка [7, л. 1–2]. Таким образом, для части приезжих мастеров Оружейной палаты условием получения бесплатного места для проживания стала обязанность «платить оброк в Бронную слободу по уговору старосты и мирских людей» [8, л. 4]. То есть привилегия – свобода мастеров Оружейной палаты от уплаты тягла во второй половине XVII в. – не была безусловной.

Помимо обычных налогов, в России XVII в. на военные нужды взимались экстраординарные подати: пятая, десятая, пятнадцатая деньга. Обложению этими налогами подлежали торговые люди, в том числе мастера и служащие Оружейной палаты, владевшие собственными лавками в торговых рядах. Исключением были самопальные стрелки Оружейной палаты, которые приравнивались к стрельцам (военным) и полностью освобождались от этих податей [9, с. 24–25].

Известен по крайней мере один случай, когда мастеров Оружейной палаты освободили от уплаты пятой деньги. В 1665 г. по указу Алексея Михайловича «з дворовых людей, и с конюхов, и стрельцов, и с них самопальных (стрелков Оружейной палаты. – С.О.), с их лавок пятые деньги иметь не велено». Мастера также били челом «о пятиной деньге», и по их челобитью, «какие есть лавки в Самопальном ряду <...>

пятинные деньги <...> на них иметь не велено» [10, л. 5–7].

Весной 1672 г. группа самопальных стрелков, мастеров и сторож Оружейной палаты вновь обратились с челобитной на государево имя не брать с них пятнадцатой деньги. На этот раз челобитье мастеров и сторожа, по всей вероятности, оставили без удовлетворения: их имена вычеркнуты из черновика документа, дающего освобождение от налога. Самопальных же стрелков, трех человек, «великий государь пожаловал <...> пятнадцатую деньгу с их лавок иметь не велел» [11, л. 1–6].

Необходимым условием нормальной жизни и работы ремесленника было наличие жилья. О предоставлении мастерам Оружейной палаты жилья и субсидий на его приобретение упоминается в рукописи Л.П. Яковлева [12, л. 51–52]. Вопрос о мерах поддержки из ВКЛ при поступлении в Оружейную палату (подъемных суммах, безвозмездно передаваемых в пользование дворах и дворовых местах) рассматривается в работе М.Н. Ларченко [13].

Значительную часть своей работы мастера Оружейной палаты выполняли по месту жительства. Отсутствие такой возможности ставило под угрозу исполнение ремесленниками своих профессиональных обязанностей. В особенности остро данная проблема стояла перед представителями кузнечных специальностей. Не удалось выявить никакой информации о наличии в Оружейной палате специальных помещений и оборудования для выполнения кузнечных работ. Следовательно, ремесленникам Оружейной палаты необходимо было изыскать такую возможность вовне.

Выполнять «горячие» технологические операции в жилых помещениях практически невозможно, для этого требовалась особая мастерская – кузница. Таким образом, для успешной работы мастера кузнечной специальности, в идеале, необходимо было наличие в его распоряжении двора, где помимо жилых и хозяйственных построек могла бы разместиться отдельно стоящая мастерская.

Есть основания предполагать, что для самопальных (ствольных и замочных) мастеров наличие кузницы на дворе было одним из необходимых условий службы. Летом 1660 г. недавно принятый в ствольные мастера Иван Константинов бил челом: «дано мне холопу твоему твоего государева дело делать и мне холопу твоему тово государева дела делать негде». Мастер «приискал» подходящий двор в Бронной слободе. «168-го (1660) года июня в 17

день, государь пожаловал, велел ему тот двор отдать». Однако почти одновременно с Иваном на указанный двор объявился еще один претендент наводного дела мастер Анисим Игнатьев. Резолюция по данному делу гласила: «Анисимку в том дворе отказано потому, что о том дворе преже иво челобитья [было челобитье] Ивана Костянтинова и он Иван ныне в том дворе живет и кузницу построил» [14, л. 1–4]. Отдельно стоящие кузницы находились на дворах ведущих мастеров Григория и Афанасия Вяткиных, Василия Титова [15, л. 1–3; 16, л. 2–3]. У Ермолая Федорова помимо домашней мастерской, была еще кузница в Кузнечном ряду у Тверских ворот [17, с. 365; 18, л. 1–4].

Отсутствие или утрата условий для осуществления профессиональной деятельности были поводом для экстренного обращения к руководству ведомства. Замочного дела мастер Евсей Олферьев бил челом: «В нынешнем, государь, во 170-м (1662) году генваря <...> лихие люди <...> мой дворишко разорили <...> платишко мое и посуды и всякие кузнечные снасти разнесли. И ныне мне холопу твоему дела твоего государева делать нечим». Евсею на снасти выдали пять рублей [19, л. 49–49 об.].

В марте 1664 г. ствольного дела мастер Клима Максимов бил челом: «дворишка у меня своего нет, твоего в государева ствольного дела делать негде, скитаюся с женишкою и детишками меж двор». Климу предоставили готовую избу и два рубля денег [20, л. 87–87 об.]. В ноябре 1667 г. замочный мастер Оружейной палаты Семен Федоров извещал: «покрали у меня холопа твоего воровские люди на дворишке моем кузниченку и всякую кузнечную снасть поймали». Семену выдали кормовые деньги на девять месяцев вперед [21, л. 7–7 об.]. Один из ведущих мастеров палаты Василий Титов подал челобитную: «у твоих государевых дел оскудал и дворишко у меня хоромишка обвалились и городбенька опала. А твоего великого государя оружейное дело стало делать нужно (трудно. – *С.О.*)». Мастер просил выдать ему авансом кормовые деньги на 184 (1675/76) г. и просьбу его удовлетворили [22, л. 1–1 об.].

Обычно с просьбами о помощи в обзаведении местом для проживания и работы обращались иногородние мастера, однако бывали и особые случаи. В ноябре 1666 г. в Оружейную палату в станочные мастера был принят Гаврила Амосов – бывший дворовой человек князя Я.К. Черкасского. По приказу оружничего Б.М. Хитрово Гавриле было велено выдать «в приказ» восемь рублей «для того, что он взят в мастера вновь и двора у него своего нет» [23, л. 1–1 об.].

Необходимо отметить одно важное обстоятельство: материальная помощь мастерам и служащим Оружейной палаты могла оказываться в двух неравноценных вариантах. Первый – пожалование «в зачет», когда выданную ремесленникам сумму впоследствии вычитали из заработной платы. Второй – пожалование «в приказ», когда помощь оказывалась безвозмездно.

Известен ряд случаев, когда мастера обращались в свое ведомство с просьбой о ссуде при необходимости крупных расходов. Так, в конце 1659 г. решил улучшить свои жилищные условия лучший станочный мастер Оружейной палаты Евтифей Кузовлев. Для приобретения он выбрал двор известного оружейника Никиты Давыдова на Константиновской улице Бронной слободы. «Ноября в 28 день по приказу окольничего и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово, станочному мастеру Евтихею Кузовлеву на окуп за двор Никиты Давыдова тридцать рублей. По указу великого государя, велено ему Евтифею те деньги великого государя в казну платить погодно». Впрочем, выплатил мастер только десять рублей, остальные двадцать по его челобитью с него было «имать не велено» [24, л. 75 об.–76 об.].

В 1672 г. из Пушкарского приказа в Оружейную палату перевелся ствольный, замочный и станочный мастер Филипп Тимофеев. Уровень мастерства Филиппа руководством оценивался очень высоко. В начале 1674 г. оружейник подал челобитную: «Приискал я, холоп твой, себе дворишко за Тверскими вороты в Бронной слободе в приходе у церкви Иоанна Богослова <...>, а цена государь тому двору семьдесят рублей... Вели государь мне за тот двор ис своей государевой казны из Оружейные палаты по цене деньги выдать. И вели государь мне на то дворовое строение, чем тот двор построить». Было велено «за тот двор семьдесят рублей заплатить из Оружейные палаты» [25, с. 94]. Сведений о том, что из жалования мастера впоследствии удерживали деньги, не выявлено.

Распространенным поводом для обращения за помощью было «пожарное разорение». Деревянный город часто горел, потерявшие жилье, имущество и «мастерские снасти» ремесленники для возвращения к нормальной жизни и работе нуждались в экстренной материальной поддержке.

Исследуя практику рассмотрения дел по челобитьям о «пожарном разорении», можно констатировать, что типовым решением была выдача погорельцам денежной помощи «в зачет», то есть с последующим вычетом из жалования.

Чаще всего встречается распоряжение об авансовой выдаче поденного денежного корма за полгода–год вперед. Станочного дела мастер Евтифей Кузовлев просил о досрочной выдаче денежного корма «для ради моего пожарного разорения». Резолюция гласила: «Буде деньги есть, дать марта по 1 число 179-го (1671) году. А деньги спрашивать» [26, л. 38–38 об.]. В огне того же пожара в 1670 г. погибли дома и имущество двух мастеров наводного дела Ивана Килтыкова (Килтыкеева) и Моисея Бобылева. Обоим было велено «дать корм по указу июля по 1 число» [26, л. 313–313 об.].

Бронная слобода в 1670 г. пострадала очень серьезно. Сохранились челобитные с просьбами о материальной помощи «погорелых» сабельного придельщика Прохора Иванова и ствольного мастера Игнатия Прохорова. Для того чтобы поддержать придворных ремесленников, руководство ведомства приняло решение при очередной выплате жалования (половины годового денежного оклада) пострадавшим от пожара мастерам выплатить авансом всю сумму: «годовое денежное жалование велено дать розных дел мастеровым людям оклады их в полы. А для пожарного разорения, которые погорели в прошлом во 178-м (1670) г., государево жалованье оклады их даны сполна» [26, л. 63–63 об., 116–117, 353].

В зависимости от обстоятельств ремесленники могли обратиться с просьбой об авансовой выплате кормовых денег еще за год вперед. Так, замочный мастер Демид Валдацкий бил челом: «волею Божию погорел <...> в большой пожар совсем без остатку <...> а постройца за скудостью нечем». Мастер просил выдать ему «в зачет» кормовые деньги с сентября 1672 по сентябрь 1673 г. В Оружейной палате замочник был на хорошем счету и не получил отказа [27, л. 1–2].

По крайней мере нескольким мастерам «для их пожарного разорения» помимо денег «в зачет» выдали и часть хлебного жалования. Так, по челобитной сабельного придельщика Оружейной палаты Прохора Игнатьева велено было в 179 (1670/71) году «дать корм с сентября по март и хлебного жалования дать половину» [26, л. 63–63 об.]. О незачете у него хлебного жалования, выданного за «пожарное разорение», в марте 1671 г. бил челом строчного дела мастер Прокофий Андреев [28, л. 1].

Сохранились сведения еще о нескольких пожарах, от которых пострадало значительное число придворных мастеров. «Оружейной палаты самопальным и мастеровым людям, и сторожам у которых в нынешнем 189-м (1681) году июня в 12 числе дворы в Бронной слободе [дво-

ры] погорели» велено было выдать авансом по половину их годового денежного оклада с последующим вычетом из жалования [29, л. 1].

На поддержку погоревших ремесленников и приказных людей выделялись значительные суммы. Докладная выписка сообщает, что в 1670 и 1681 гг. «Оружейной и Серебряной палат розных чинов людям 37 человекам для пожарного разорения дано 412 рублей 16 алтын». Сам документ возник в ответ на челобитье мастеров и служащих придворных мастерских, которым были «выданы по их челобитьям окладные и кормовые деньги на дворовое строение и они теми деньгами строились, а ныне <...> зачитают. И тем без государева жалования, питаца, и одежи, и обуви купить нечем». Просили выданных «для пожарного разорения» денег из жалования не вычитать [30, л.1–2]. На документе отсутствует помета, и какое было принято решение, нам не известно.

Очередной «большой» пожар случился в 1685 г. «В нынешнем во 194-м году (1685) сентября в 16 день <...> взято в Оружейную палату из приказа Большие казны [на] дачю их великих государей жалования Оружейной и Серебряной палат и Ствольного приказу приказным и мастеровым людям, которые в прошлом во 193-м (1685) году августа в 27 числе погорели денег 286 рублей» [31, л. 1].

Сохранилось несколько челобитий о «пожарном разорении» представителей династии царских оружейников Вяткиных, занимавших высокие места в мастерской иерархии Оружейной палаты второй половины XVII столетия. Весной 1676 г. «первый мастер» Оружейной палаты Григорий Вяткин и его сын Афанасий, проживавшие и работавшие на одном дворе, били челом: «в Преполовениев день (праздник, отмечается на 25-й день после Пасхи. – С.О.) на Рождественке погорели мы без остатку» [32, л. 1]. Погорельцам 12 мая было выдано государево жалование – кормовые деньги на год вперед [33, л. 47 об.–51]. Несколько позже Афанасий Вяткин вновь обратился с просьбой о материальной помощи: «в праздник Преполовения, в день погорел я, холоп твой, без остатку: всякого заводу, и пожитку, и святых икон, и хлеба, и платья, и снастей кузничной и избной, и золотильной ничего не унес». 3-го июля было велено «для ево пожарного разорения на мастерские его кузнечные снасти в приказ дать пять рублей» [34, л. 1–2]. Двор Афанасия Вяткина, наследовавшего от отца место «первого мастера» Оружейной палаты, вновь погорел в 1688 г. Мы узнаем, что «197 (1688) г. декабря в 15 день по указу великих государей и по подписной челобитной выдано ему из оклада 87 рублей 7 денег

для ево пожарного разорения и скудости, и те деньги зачтены» [35, л. 1–2].

Последнее известное обращение Афанасия Вяткина в связи с «пожарным разорением» относится к 1698 г.: «В нынешнем государь в 207-м (1698) году июля в 27 день погорел <...> со всяким строением без остатку и снастей погорело много, два мешка кузничных двойных згорели по цене шесть рублей. А на снасти мне, холопу твоему николи не дано». По приказу боярина Ф.А. Головина Афанасий получил «в приказ денег десять рублей. [36, л. 1–2 об.]. С высокой долей вероятности, как и ранее, речь идет о дополнительной выплате, уже после получения мастером средств «в зачет».

Обыденной жизненной ситуацией, с которой приходилось и приходится время от времени сталкиваться работникам, являлась временная утрата трудоспособности по болезни. Весной 1661 г. Оружейной палаты ножевник Богдан Игнатев подал челобитную: «Волею Божею я, холоп твой, заскорбел и скобному мне, бедному, пить и есть нечего... Милосердый государь <...> пожалуй меня бедного и скорбного <...> как тебе великому государю о мне бедном Бог известит». Резолюция гласила: «Государь пожаловал, велел дать три рубля в приказ» [37, 2–2 об.].

В том же году заболевший наводного дела мастер Осип Гробницкий бил челом о денежном корме: «И против сей челобитной поляк Оська Гробницкой досматриван. По досмотру лежит болен, сказал себе колотую болезнь к животу. Сказал, лежит четыре недели». По решению оружничего было велено «дать корм на те четыре недели» [38, л. 28]. Станочный мастер Пантелей Степанов поранил руку и не смог в феврале 1664 г. представить двух пищальных станков своей работы. Травму освидетельствовали: «по осмотру рука проколота больно» – и жалование станочник получил сполна [39, л. 33–40].

Число выявленных обращений подобного рода не велико, причем все известные случаи относятся к первой половине 1660-х гг. При подобных обстоятельствах затруднительно полагать, что практика материальной поддержки мастеров Оружейной палаты, временно утративших трудоспособность, носила устойчивый характер хотя бы во второй половине XVII столетия.

Распространенным поводом для обращения к руководству с просьбами о материальной помощи были важные события в личной (семейной) жизни мастеров. К традиционным относились пожалования на свадьбу.

В расходной книге Оружейной палаты зафиксирована выплата «польскому» наводного дела мастеру Роману Сарасекову. Двенадцатого июля 1657 г. ему выдали «для ево свадьбы до государева жалования десять рублей» [40, л. 120 об.]. В октябре того же 1657 г. били челом о пожаловании на свадьбу еще двое «польских» ремесленников Оружейной палаты: Гришка Остафьев и Савка Севостьянов сын Панков. Первый из них получил «в приказ» ведро вина, два ведра меду, пять ведер пива и два рубля денег. Другому дали три ведра вина, пять ведер пива и два рубля деньгами [41, л. 1–4].

В мае 1662 г. женился (явно, не в первый раз) Григорий Вяткин. В своей челобитной он просил пожаловать его «на свадьбешку, чем тебе, великому государю, Господь Бог известит». Ответ на просьбу мастера был следующим: «велели ему отпустить питья с Сытного двора на свадьбу Оружейной палаты мастеру Григорью Вяткину против золотого и серебряного дела мастера Гаврила Евдокимова, что ему отпущено было на свадьбу в прошлом во 169-м (1660/61) годе» [42, л. 1–2]. К сожалению, мы не знаем, чем пожаловали Гаврилу Евдокимова и Григория Вяткина на свадьбу. Известно, что Гавриила Евдокимов занимал первое место среди царских серебряников уже в 1645 г. [43, л. 4]. Занимавшему более скромное положение мастеру Лариону Афанасьеву в ноябре 1663 г. дали на свадьбу три рубля деньгами, «осьмину круп гречневых, да осьмину овсяных, четверть муки ржаной, три ведра вина, пять ведер меду безденежно» [44, л. 1–1 об.].

Летом 1667 г. в Оружейную палату был принят новокрещеный «кизылбашенин» строчного дела мастер Бейзат Кузаров [45, с. 70]. Вскоре, ремесленник обратился с челобитьем: «Зговори я, холоп твой женица, а человекенко скудной». Иранцу, получившему в крещении имя Петр, велено было дать деньгами пять рублей, «да з дворцов четыре ведра вина простова, два двойнова, шесть ведер пива, три меду, стяг говядины, два гуся, две утки, осьмину муки пшенишные» [45, с. 71]. Следует заметить, что пожалования «новокрещенам», как правило, отличались повышенной щедростью.

Осенью 1674 г. первостатейный мастер иноземец Филипп Тимофеев бил челом: «дано мне на свадьбенко пятнатцать рублей денег. И ныне, государь, те деньги зачитают <...> не вели, государь те деньги пятнатцать рублей, что дано мне на свадьбенко зачитывать». Решением Б.М. Хитрово деньги из жалования Филиппа велено было не вычитать [46, л. 18].

Не вполне типичный случай относится к 1676 г. В октябре станочного дела мастер Илья Павлов с просьбой о пожаловании на свадьбу обращался дважды. По первому челобитью, станочнику велено было выдать кормовые деньги на год вперед «в зачет», а по второму добавили еще три рубля «в приказ» [47, л. 2–3 об.].

В мае 1677 г. одному из «старых» оружейников, станочному мастеру Василию Корцу, велено было «дать государева жалованья годовой денежной оклад впредь на 186 (1677/78) год для ево свадьбы и скудости пятнатцать рублей» [48, л. 64]. Данная запись о пожаловании на свадьбу наиболее поздняя. С 1677 г. и до конца XVII столетия сведений о том, что кто-либо еще из мастеров Оружейной палаты получил на свадьбу какие бы то ни было «дачи» «в приказ» или «в зачет», выявить не удалось.

Мастера Оружейной палаты могли рассчитывать на материальную помощь при рождении в их семье детей. Одно из самых ранних выявленных обращений такого рода – челобитная «польского» ствольного мастера Степана Григорьева. В феврале 1661 г. он обратился с просьбой о досрочной выплате жалования на рождение и крещение ребенка. Резолюция оружейного гласила: «будет по указу государя дело у него принято <...> и ему корм дать по указу» [38, л. 74–74 об.].

Летом того же года с просьбой о материальной помощи обратился другой «польский» ремесленник – станочный мастер Михаил Черноурцкий: «В нынешнем, государь во 169-м (1661) году грехом своим я, холоп твой заболел, и лежал недель з двенатцать и государева жалования мне не дано на два месяца на май и июнь. А ныне у меня жена родила младенца и мне ево к крещенью [в] веру привести нечем». Михаилу было велено дать жалование за два месяца его болезни и еще за один месяц (июль) авансом [38, л. 92–92 об.]. Недавно принятый на службу в палату Михаил успел себя неплохо себя зарекомендовать, и руководство приняло во внимание сложные обстоятельства.

Лучший русский станочник, обладавший солидным стажем работы, Евтифей Кузовлев, осенью 1661 г. получил на крещение младенца два рубля «в приказ» [19, л. 29–29 об.]. Неизвестен характер и объем пожалования на рождение в декабре 1661 г. дочери у «польского» наводного дела мастера Осипа Гробницкого. На его челобитной стоит резолюция «дать против его братья». Летом 1662 г. ствольный мастер из Полоцка Иван Кириллов бил челом о пожаловании «что б мне было чем в крещеную веру младенца вве-

сти». «Ивашку Кирилову для крещения младенца государева жалования в приказ два рубли денег» [49, л. 1–2]. Возможно, в тот период было установлено стандартное пожалование на рождение детей – два рубля «в приказ». При этом следует учитывать, что на начало 1660-х гг. приходится пик инфляционных процессов, связанных с хождением медной монеты.

В октябре 1666 г. о пожаловании на крестины младенца «чем Бог по сердцу положит» просил «польский» костяного токарного дела мастер Иван Дракула. Оружейничий Б.М. Хитрово распорядился выдать Ивану «в приказ» полтину [50, л. 1–1 об.]. Когда летом 1667 г. еще один выходец из ВКЛ токарного дела мастер Давыд Павлов сообщил «а у меня ныне женишка родила <...> а подныца нечем», то получил «в зачет» кормовое жалование вперед на два месяца, по два алтына на день, всего рубль двадцать шесть алтын четыре деньги [51, л. 2–2 об.].

На протяжении значительного периода дел по челобитным мастеров Оружейной палаты о пожаловании на рождение и крещение детей выявить не удалось. Наиболее поздние челобитные подобного рода относятся к началу 1682 г. и были поданы мастерами столярного дела, число которых в Оружейной палате в этот период существенно выросло в связи с «иконостасным строительством». Ветхие документы не доступны для изучения, однако упоминание о жаловании «с дворцов» в заголовке одного из дел указывает, что «дача» полностью или частично состояла из продуктов и напитков [52; 53].

Жизненной ситуацией, требовавшей существенных расходов, была выдача замуж дочерей. В 1668 г. бил челом один из старейших на тот момент мастеров Оружейной палаты сабельник Яким Федоров: «маия против 12 числа покрали меня, холопа твоего, воровские люди без остатку, а зговорена была у меня, холопа твоего дочеришко мое девка замуж и ныне мне, холопу твоему тое своею дочеришку выдать нечем». Якиму «для ево разоренья» было велено выдать кормовые деньги за полгода вперед [54, л. 4–4 об.]. О досрочной выдаче кормовых денег за полгода на свадьбу дочери просил в 1675 г. ольстренного дела мастер Любим Блохин [55, л. 8].

В сентябре 1677 г. один из лучших самопальных мастеров Оружейной палаты Василий Титов писал: «Зговорил я, холоп твой дочеришку свою замуж, а выдать и свадебка мне поднять нечем. Человеченко я скудной, от пожару разорился вконец». По просьбе оружейника ему были выданы кормовые деньги на год вперед. Почти одновременно с Василием, с челобитьем о

пожаловании на свадьбу дочери обратился столяр и резчик Клим Михайлов, однако ему на свадьбу дочери выдали кормовые деньги только за полгода [47, л. 1–1 об., 5–5 об.].

В июне 1685 г. с челобитьем обратился ствольного и замочного дела мастер Афанасий Вяткин, занимавший второе после отца место в иерархии русских оружейников палаты: «Да я ж холоп ваш от пожарного розорения и от Смутного времени (вероятно, восстание 1682 г. – С.О.) розорился в конец... Да у меня ж две дочеришки девчонки и приказываются к ним многие люди, а выдать их замуж за скудость своею мне холопу вашему нечем». Отличие челобитной А. Вяткина от всех иных состоит в том, что мастер просит о пожаловании «девчонкам на приданое». Мастеру было велено выдать «за многие ево труды в приказ дватцать рублей» [56, л. 1–1 об.].

Трудно не заметить, что в большинстве обращений с просьбой о помощи в связи с предстоящей свадьбой дочери челобитчики указывают на разного рода дополнительные негативные обстоятельства, отягчающие их финансовое положение: последствия пожара, разорение и пр.

Немногочисленны выявленные случаи оказания материальной помощи мастерам Оружейной палаты в случае смерти их близких родственников. Согласно расходной записи от 11 января 1659 г., «государева жалованья в приказ наводного дела мастеру иноземцу Ивану Микитину сыну Луговцу на поминок дочери ево десять рублей» [57, л. 125 об.]. Известно, что среди «польских» наводного дела мастеров Иван Лугодец занимал видное положение и получал самое высокое жалование [58, с. 90].

Согласно архивной описи, 20-м мая 1683 г. датируется челобитная Оружейной палаты ствольного дела мастера Никиты (Никифора) Кобелева с просьбой о пожаловании на погребение жены. Ветхий документ недоступен для изучения. Никифор Кобелев на момент челобитья был заслуженным мастером, проработавшим в Оружейной палате более двадцати лет [59].

Осенью 1687 г. бил челом «первый мастер» Оружейной палаты Григорий Вяткин: «ноября в 30 день волею Божию у меня холопа Вашего умре женишка, а погresti ее за скудостью нечем». Первого декабря было велено «дать ему великих государей жалования на погребение жены ево в приказ пять рублей» [60, л. 1–1 об.].

Многие ремесленники Оружейной палаты состояли на службе вплоть до своей кончины. Разумеется, были среди мастеров и те, кому

пришлось покинуть службу в связи с утратой трудоспособности по возрасту или по болезни. Каких-либо сведений, указывающих на существование системных мер социальной поддержки таких лиц, соотносимых с современными понятиями «выходное пособие» или «пенсионное обеспечение», не обнаружено. Выявленные случаи попечения о мастерах Оружейной палаты, полностью утративших трудоспособность по старости и болезни, единичны.

Известна челобитная знаменитого мастера Никиты Давыдова, поданная им в 1664 г. «Лежу я ныне холоп твой в старости и Божьим посещением (sic!) в болезни великой и близко смерти и последнего дыхания. А желаю постричься, а постричься мне холопу твоему нечем, и главы своей приклонить в старости своей не ведаю где. И в монастырь безо вклада ни в которой не примут. А вклада мне холопу твоему дать нечево – изняла скудость». 24 июня было велено дать «на пострижение латному мастеру Миките Давыдову десять рублей» [61, л. 329–330].

Летом 1666 г. бил челом «бедный и безприютный отставной Оружейные палаты знаменц[ик] Ивашко Соловей служил я <...> тридцать лет своим травным [и] знаменным письмишком <...> а ныне пришла великая скорбь и старость. И меня бедново за скорбь и за старость от твоей государевой Оружейной палаты отставили. И ныне я бедной и безприютной скитаюся <...> а скорбь из меня бедново большая, дела никакова делать не могу. <...> Пожалуй меня <...> за мою службишко и безпрестанную работишку и для моей великой скорби и старости в свое государево богомолье за Белой город за Микитскими вороты в больничной Федоровской монастырь постричь безденежно». Оружничий Богдан Матвеевич Хитрово приказал постричь Ивана в Федоровский монастырь и послать о том митрополиту память [62, л. 1–1 об.].

Среди документов текущего делопроизводства Оружейной палаты хранится немало количество обращений от членов семей умерших мастеров с просьбами о пособии на их погребение и поминовение. Самая ранняя известная челобитная такого рода принадлежит Улите Абакумовой – вдове чемоданного мастера Юрия Максимова и, согласно архивной описи, датируется 30 июля 1647 г. (документ не доступен из-за ветхости) [63, л. 1]. Выявлено два варианта реакции руководства Оружейной палаты на подобные обращения: родственникам выдавались заработанное, но не полученное при жизни жалование умершего мастера или некая

сумма денег. Чаще всего с просьбами о пособии обращались вдовы мастеров, но бывали и иные случаи.

В 1661 г. в Оружейный приказ была подана челобитная от имени «безпомочного сироты» Артюшки Кирилова сын Плешивого (предположительно, отцом Артемия был наводного дела мастер Кирилл Афанасьев): «Отец мой служил <...> лет с тритцать и больши в Оружейной палате в мастерах и в прошлом в 169-м (1660/1661) году не стало <...> остался я сирота шти лет <...> кормить некому скитаюсь меж двор. <...> А отцу моему на год по двенадцати рублев, хлеба по двадцать четей четей, месечного корму по пятнадцать алтын на месяц». Оружничий Б.М. Хитрово приказал выслуженное жалование отца Артемию выдать [19, л. 50–50 об.]. В апреле 1663 г. Антон Иванов, зять «польского» сабельного придельщика Ивана Иевлева, просил о пожаловании на похороны своего тестя. На погребение было выдано пять рублей [64, л. 61–61 об.].

В ряде случаев заботу о проводах в последний путь мастеров Оружейной палаты брали на себя их товарищи. Весной 1679 г. Оружейной палаты столяр Лев Иванов просил о пособии на погребение станочного мастера Ивана Яковлева: «служил тебе великому государю стрелецкую службу и в станочных мастерах лет с шеснатцать, и волею Божьей умре <...> лежит непогребен, а сродников у него никого нет, погresti его некому». На похороны товарища Лев получил два рубля [65, л. 10–10 об.]. На погребение своего бывшего ученика, ствольного и замочного мастера Василия Титова, с которым проработал в Оружейной палате более тридцати лет, Григорий Вяткин в апреле 1681 г. получил ту же сумму – два рубля [66, л. 1–1 об.]. Два рубля в 1683 г. получил кузнец Иван Осипов на погребение своего отца, замочного мастера Осипа Алферьева [67, л. 1–1 об.]. Два рубля получил железного прорезного дела мастер крещеный «немчин» Борис Крыгор на похороны своего сына Василия, того же ремесла мастера, скончавшегося в феврале 1688 г. [68, л. 1–1 об.].

В феврале того же года бил челом Оружейной палаты ствольного и замочного дела мастер Афанасий Вяткин: «В нынешнем государи во 196-м (1688) году февраля в 11 числе волею Божию отец у меня холопа Вашего, тое ж Оружейные палаты мастер Григорей Никитин сын Вяткин умре. А Вам великим государем отец мой в Оружейной палате работал до смерти своей многие годы». Боярин и оружничий Петр Васильевич Большой Шереметев «приказал дать великих государей жалованья ему Афона-

сью на погребение отца ево Григорья за ево Григорьеву многую работу денег десять рублей» [69, л. 1–1 об.].

Обращает на себя внимание, что помощь на погребение деньгами вдовам оказывалась в меньшей сумме, чем мастерам Оружейной палаты, если они были родственниками или товарищами покойного.

Вдове станочного дела мастера выходца из ВКЛ Максима Михайлова, относительно недавно взятого в Оружейную палату из Воскресенского монастыря и скончавшегося в сентябре 1670 г., велено было «дать государева жалование мужа ее на погребение полтину» [26, л. 182–182 об.]. Вдове более заслуженного ствольного мастера Оружейной палаты Луки Журина в июне 1681 г. выдали на погребение мужа рубль [70, л. 1–1 об.].

Характер редких исключений носят случаи материальной поддержки членов семей мастеров Оружейной палаты, лишившихся своих кормильцев. Осенью 1661 г. во время служебной командировки в Тулу из-за неосторожного обращения с оружием от руки товарища погиб ствольный мастер Оружейной палаты Артемий Иванов сын Безмин [71, с. 161–163]. Вдове мастера Матрене Васильевой было выплачено пособие на погребение мужа в двадцать рублей и выдано выслуженное жалование супруга [72, л. 1–2 об.]. Однако помимо этого вдове и детям покойного было назначено содержание.

В своей челобитной, помеченной январем 1663 г., Матрена пишет: «Муж мой работал тебе великому государю в Оружейной палате ... А <...> мне, бедной, з детишками самой пяту на прокормление указано твоего государева хлебного жалования против мужа моего оклад вполы» [73, л. 2–5 об.]. Половину хлебного жалования мужа Матрена получала по крайней мере до 1667 г., – к тому времени, вероятно, уже подросли ее старшие сыновья [74, л. 1–6].

В 1660 г. скончался наводного дела мастер из Могилева Иван Никитин сын Луговец (Лугодец). В 1664 г. челом била его вдова Марья: «муж мой преставился четвертой год, А мы, сироты твои, скитаемся меж двор наги и помираем голодною смертью, поить и кормить нас некому, бесплемянны, приклониться не х кому». Марье с дочерью на пропитание было выдано два рубля [20, л. 106–106 об.]. Следует отметить, что заявление о том, что вдова с дочерью «скитаются меж двор», не соответствовало действительности. Вдова проживала в Бронной слободе на дворе, предоставленном ее мужу, сдавая часть помещений в наем [20, л. 87].

В апреле 1664 г. вдова Марья получила жалование на пять аршин сукна [75, л. 1]. Вероятно, в том же году Марье была назначена пенсия – по алтыну на день. В сентябре 1665 г. в росписи мастеровым людям и их жалованию присутствует пункт: «По 30 алтын на месяц, вдова Марья Ивановская жена Луговца. Итого в год 10 рублей 31 алтын 4 деньга. Давать по-прежнему» [76, л. 30]. Сохранилось немало как челобитных вдовы Марьи Луговцевой, так и расходных записей о выдаче ей кормовых денег по алтыну на день. По всей вероятности, пенсию вдова Марья продолжала получать вплоть до пострижения в Новодевичий монастырь в 1683 г.

В 1681 г. скончался ведущий иноземный мастер «виленский немчин» Бартар Кинеман, трудившийся в Оружейной палате с 1657 г. В 1683 г. била челом его вдова иноземка Елена: «Работал муж мой Балтырь вам великим государем лет с тритцать и больши <...> И волею Божею мужа моего не стало, тому третей год. А я бедная осталась после мужа своего с детишками сама третья, скитаюсь меж двор, помираю голодною смертью». С учетом заслуг супруга, «Балтыревой жене Киномана вдове Елене Романове дочери» с детьми была назначена неплохая пенсия – по два рубля в месяц, которую она получала в Оружейном приказе до начала 1690-х гг. [77, с. 79–93]. Ранее, в 1663 г., такая же пенсия (два рубля в месяц) была назначена Анне – вдове дозорщика Оружейной палаты Вилима Геймса. В документе указывалось, что корм назначен «против полуполковниковых жен» [78, с. 112].

Средств к существованию семьи мастеров могли лишиться не только в случае смерти кормильца или его увольнения, но и при его долговременном отсутствии в связи со служебной необходимостью. В истории Оружейной палаты XVII в. известен ряд сюжетов, когда отдельные мастера или группы ремесленников надолго покидали Москву, отправляясь в разного рода «службы и посылки». Три года подряд (1654–1656 гг.) группы мастеров и служащих Оружейной палаты, сопровождая государеву походную оружейную казну, отправлялись с царем Алексеем Михайловичем на войну. О каких-либо мерах по материальной поддержке их семей нам неизвестно.

В 1662 г. от царя Алексея Михайловича к персидскому шаху Аббасу II было отправлено посольство во главе с окольниковым Ф.Я. Милославским. Богатые дары включали в себя парадное оружие и снаряжение, а также большой орган. Сопровождать «поминочную казну»

должны были несколько мастеров и служащих Оружейной палаты. Весной 1664 г. били челом «бедные и беспомочные робы твои Оружейные полаты подьячего Константинова женишка Михайлова Дарьца, да арганиста Симонова женишка Гутовского Марьца, да сторожа Ромашкова жена Феклица <...> посланы мужья наши на твою великого государя службу в Персицкую землю с твоими великого государя великими посылы... А что нам бедным мужья наши оставили пропитаца медными деньгами и то по твоему великого государя указу отставили, а серебряных денег взять негде...». По челобитью, женщинам было приказано выдать половину годового денежного оклада их мужей. При этом женщинам велено было сказать, «что им та дача ныне за службу мужей их дана в приказ, и впредь то не в образец» [79, л. 1–9].

В 1696 г. о выдаче хлебного жалования мужей били челом жены девятнадцати мастеров Оружейной палаты, посланных под Азов [80, л. 1]. Какое решение было принято по этой челобитной, нам неизвестно.

Рассматривая всю совокупность вариантов и форм социальной поддержки мастеров Оружейной палаты в XVII столетии, а также наличие налоговых привилегий, можно прийти к выводу об относительно высоком уровне социальной защищенности придворных мастеров по сравнению с основной массой ремесленного посадского населения. Налоговые льготы были привилегией мастеров Оружейной палаты как придворных служащих.

Анализ политики руководства Оружейной палаты указывает на специфическую ориентированность мер социальной поддержки. В наибольшей степени материальная помощь оказывалась мастерам в тех случаях, когда неблагоприятные обстоятельства ставили под угрозу возможность нормальной работы. В случае отсутствия или потери жилья, утраты оборудования и инструментов помощь предоставлялась оперативно и эффективно. Возможно, уровень материальной поддержки был даже несколько выше, чем можно судить по первичным челобитным мастеров. Не редки были случаи, когда средства, выданные ремесленникам «в зачет», впоследствии вычитались из жалования было не велено.

Небольшое число случаев, когда при временной утрате трудоспособности по болезни мастерам оказывалась помощь или сохранялся их обычный заработок, не позволяет с уверенностью полагать, что такая практика носила устойчивый характер. То обстоятельство, что поддержка оказывалась в период «хлебной дороговизны», и только т.н. «польским» мастерам, не

имевшим хлебного жалования, говорит о локальном и адресном характере этих мер.

Явно комплиментарный характер носила практика пожалований по случаю важных событий в семейной жизни действующих придворных мастеров. По всей вероятности, это должно было способствовать укреплению лояльности мастеров и стимулировать их к дальнейшей «радательной» работе. В наименьшей степени меры социальной поддержки коснулись ремесленников, полностью утративших трудоспособность по старости или болезни, а также семей мастеров Оружейной палаты, потерявших кормильцев. Такого рода случаи единичны и исключительны.

Можно отметить общую тенденцию: важную роль играло положение того или иного ремесленника во внутренней иерархии оружейной мастерской. Наиболее существенные по объему пожалования социального характера были адресованы ведущим ремесленникам ведомства, представителям наиболее престижных специальностей, мастерам с большим стажем службы в Оружейной палате.

Обращает на себя внимание то, что почти все челобитные мастеров об оказании им материальной помощи имеют положительную резолюцию. Иногда сведения о принятом решении отсутствуют, но не известно ни одного случая полного отказа. Данный факт можно объяснить как проявлением заботы руководства о придворных ремесленниках, так и хорошей осведомленностью мастеров, подававших просьбы в том случае, когда имелись высокие шансы на их удовлетворение.

Принятые сокращения

ВКЛ – Великое княжество литовское.

ММК – Музеи Московского Кремля.

ОРПГФ ММК – Отдел рукописных, графических и печатных фондов Музеев Московского Кремля.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов.

Список литературы

1. Арсеньев Ю. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче. Материалы, извлеченные из архива Оружейной палаты // Вестник археологии и истории, издаваемый имп. Археологическим институтом. Вып. 15. СПб.: Тип. А.П. Лопухина, 1903. С. 335–360.
2. Романов М.Ю. Московская Бронная слобода в XVII веке. История и люди. М.: Информбюро, 2010. 221 с.
3. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16387.
4. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России М.: Медгиз, 1960. 395 с.
5. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13900.
6. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 45383.
7. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13445.
8. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8712.
9. Орленко С.П. К вопросу о чине самопальных стрельцов придворной оружейной мастерской XVI – XVII веков // Материалы и исследования. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. Вып. 28. М.: Музеи Московского Кремля, 2018. С. 13–41.
10. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9802.
11. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13725.
12. ОРПГФ ММК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Тетр. 3.
13. Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. М.: Искусство, 1984. С. 185–192.
14. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6971.
15. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 46046.
16. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 43093.
17. Орленко С.П. Железные пушки Оружейной палаты XVII в. и парадное орудие из собрания Музеев Московского Кремля [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2017. Специальный выпуск VI. Русский «бог войны»: исследования и источники по истории отечественной артиллерии. Ч. III. С. 341–383. URL: <http://www.milhist.info/2017/03/29/orlenko> (дата обращения: 29.03.2017).
18. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9884.
19. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7764.
20. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893.
21. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11373.
22. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15576.
23. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10758.
24. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 949.
25. Яблонская Е.А. Первостатейный мастер-иноземец Оружейной палаты Филипп Тимофеев Ульянов // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 25. М.: Музеи Московского Кремля, 2014. С. 92–112.
26. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13447.
27. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13925.
28. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 13285.
29. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20060.
30. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20789.
31. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 23673.
32. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15914.
33. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958.
34. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16028.
35. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 26446.
36. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 34027.
37. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7505.
38. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7706.
39. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893.
40. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 947.
41. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 5860.
42. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8011.
43. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3404.
44. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8795.

45. Орленко С.П. Иранские мастера и Оружейная палата в 60-е годы XVII столетия // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2018. № 1 (71). С. 62–73.
46. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15233.
47. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 16220.
48. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 958.
49. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8097.
50. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10575.
51. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10929.
52. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20443.
53. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20455.
54. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11945.
55. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 15513.
56. РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ч. 1. Д. 146.
57. РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 948.
58. Орленко С.П. Произведения белорусских мастеров «наводного дела» в Оружейной палате второй половины XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 24. М.: Музеи Московского Кремля, 2014. С. 88–107.
59. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21410.
60. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25669.
61. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8893.
62. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10457.
63. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 3634.
64. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8446.
65. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 17951.
66. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 19986.
67. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 21072.

References

68. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25782.
69. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 25795.
70. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 20034.
71. Орленко С.П. Как пищаль «разродилась» и как пулька «высыпла». Два трагических случая из истории Оружейной палаты и Бронной слободы // Сборник статей и публикаций, посвященный Андрею Алексеевичу Булычеву. М.: Древлехранилище, 2020. С. 160–171.
72. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 7813.
73. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8320.
74. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10956.
75. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9040.
76. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 9729.
77. Яблонская Е.А., Орленко С.П. Западноевропейские оружейники в Оружейной палате XVII века // Материалы и исследования. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. Вып. 28. М.: Музеи Московского Кремля, 2018. С. 66–104.
78. Яблонская Е.А., Орленко С.П. Оружейной палаты дозорщики XVII века // Материалы и исследования. Оружейное собрание Музеев Московского Кремля. Памятники, история, проблемы изучения. Вып. 28. М.: Музеи Московского Кремля, 2018. С. 105–127.
79. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 8997.
80. РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Д. 31995.

collection of the Moscow Kremlin Museums. Monuments, history, issues in the study. Vol. 28. М.: The

MEASURES OF SOCIAL SUPPORT FOR MASTERS OF THE ARMORY CHAMBER IN THE XVII CENTURY.

S.P. Orlenko

The article is devoted to the study of measures of social support for the masters of the court armory workshop of the Russian tsars in the XVII century. The article examines tax benefits of court armourers, forms and amounts of assistance to artisans and their family members in the absence or loss of housing, equipment and tools, in the case of temporary or permanent disability, important events in family life, etc. Based on the analysis of sources conclusions are drawn about the specifics and priorities of the social policy of the leadership of the Armory Chamber.

Keywords: Russia, XVII century, Moscow, Armory Chamber, masters, social policy, social support, benefits, allowances, material assistance.

1. Arsenyev Yu. The order of arms under Tsar Mikhail Fedorovich. Materials extracted from the archive of the Armory Chamber // Bulletin of Archeology and History, published by imp. An archaeological institute. Issue 15. St. Petersburg: A.P. Lopukhin's Type, 1903. P. 335–360.
2. Romanov M.Yu. Moscow Bronnaya Sloboda in the XVII century. History and people. М.: Informburo, 2010. 221 p.
3. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 16387.
4. Vasiliev K.G., Segal A. E. History of epidemics in Russia М.: Medgiz, 1960. 395 p.
5. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13900.
6. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 45383.
7. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13445.
8. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8712.
9. Orlenko S.P. On the question of the rank of self-made archers of the court armory workshop of the XVI–XVII centuries // Materials and research. The museum

- Moscow Kremlin Museums, 2018. P. 13–41.
10. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 9802.
11. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13725.
12. OCGF MMK. Coll. 1. Aids 1. Fol. 76. Tetr. 3.
13. Larchenko M.N. On the issue of the work of the so-called «Polish» masters in the Armory Chamber in the second half of the XVII century // Materials and research. State Museums of the Moscow Kremlin. Issue 4. М.: Iskusstvo, 1984. P. 185–192.
14. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 6971.
15. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 46046.
16. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 43093.
17. Orlenko S.P. Iron cannons of the Armory Chamber of the XVII century and a ceremonial gun from the collection of Museums of the Moscow Kremlin [Electronic resource] // History of military affairs: research and sources. 2017. Special issue VI. Russian «God of war» in: studies and sources on the history of Russian

- artillery. Part III. P. 341–383. URL: <http://www.mihist.info/2017/03/29/orlenko> (Date of access: 29.03.2017).
18. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 9884.
 19. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 7764.
 20. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8893.
 21. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 11373.
 22. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 15576.
 23. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 10758.
 24. RSAAA. Coll. 396. Aids 2. Fol. 949.
 25. Yablonskaya E.A. The first-rate master-foreigner of the Armory Chamber Philip Timofeev Ulyanov // Materials and Research. Museums of the Moscow Kremlin. Vol. 25. M.: The Moscow Kremlin Museums, 2014. P. 92–112.
 26. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13447.
 27. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13925.
 28. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 13285.
 29. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 20060.
 30. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 20789.
 31. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 23673.
 32. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 15914.
 33. RSAAA. Coll. 396. Aids 2. Fol. 958.
 34. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 16028.
 35. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 26446.
 36. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 34027.
 37. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 7505.
 38. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 7706.
 39. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8893.
 40. RSAAA. Coll. 396. Aids 2. Fol. 947.
 41. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 5860.
 42. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8011.
 43. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 3404.
 44. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8795.
 45. Orlenko S.P. Iranian artist and Armory chamber in the 60-ies of the XVII century // Ancient Russia. Questions of medieval studies. 2018. № 1 (71). P. 62–73.
 46. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 15233.
 47. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 16220.
 48. RSAAA. Coll. 396. Aids 2. Fol. 958.
 49. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8097.
 50. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 10575.
 51. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 10929.
 52. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 20443.
 53. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 20455.
 54. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 11945.
 55. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 15513.
 56. RSAAA. Coll. 159. Aids 1. Part 1. Fol. 146.
 57. RSAAA. Coll. 396. Aids 2. Fol. 948.
 58. Orlenko S.P. The works of Belarusian masters of the «flood case» in the Armory of the second half of the XVII century // Materials and research. Museums of the Moscow Kremlin. Vol. 24. M.: The Moscow Kremlin Museums, 2014. P. 88–107.
 59. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 21410.
 60. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 25669.
 61. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8893.
 62. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 10457.
 63. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 3634.
 64. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8446.
 65. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 17951.
 66. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 19986.
 67. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 21072.
 68. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 25782.
 69. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 25795.
 70. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 20034.
 71. Orlenko S.P. How the squeaker «gave birth» and how the bullet «slept». Two tragic case from the history of the Armory and Bronnaya Sloboda // Collection of articles and publications dedicated to Andrey Alekseevich Bulychev. M.: Archives, 2020. P. 160–171.
 72. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 7813.
 73. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8320.
 74. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 10956.
 75. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 9040.
 76. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 9729.
 77. Yablonskaya E.A., Orlenko S.P. Western European gunsmiths in the Armory of the XVII century // Materials and research. The Armory Collection of the Moscow Kremlin Museums. Monuments, history, problems of study. Issue 28. M.: Museums of the Moscow Kremlin, 2018. P. 66–104.
 78. Yablonskaya E.A., Orlenko S.P. Armory Chamber watchmen of the XVII century // Materials and research. The Armory Collection of the Moscow Kremlin Museums. Monuments, history, problems of study. Issue 28. M.: Museums of the Moscow Kremlin, 2018. P. 105–127.
 79. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 8997.
 80. RSAAA. Coll. 396. Aids 1. Fol. 31995.